

УДК 930.23

ЖУРНАЛ «СОВЕТСКАЯ ИГРУШКА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА 1930-Х ГОДОВ*

A.A. Сальникова, Ж.А. Хамитова

Аннотация

В статье дается характеристика журнала «Советская игрушка» (1935–1939) как одного из важнейших и малоисследованных на сегодняшний день источника по истории советского детства. На примере игрушки журнал распространял и пропагандировал властные стратегии и «нормативные» практики конструирования и материального наполнения пространства детской повседневности в новых советских условиях, пути и способы наделения его особыми символическими значениями и смыслами.

Ключевые слова: СССР, 1930-е годы, средства массовой информации, советское детство, вещно-предметный мир, игры и игрушки, исторический источник.

Нигде нет такой заботы о детях, как у нас...
Наши дети – самые веселые, самые здоровые,
самые счастливые дети в мире!
В этих условиях приобретают огромнейшее значение
те отрасли промышленности, которые призваны
обслуживать культурные нужды детей, в том числе
и отрасль по производству игрушки.

Советская игрушка, 1935 год.

Советская эпоха породила множество знаковых понятий, связанных с детьми, – «все лучшее – детям», «дети – наше будущее», «дети разных народов». Однако одной из самых распространенных советских мифологем, прочно утвердившихся в массовом сознании, стала мифологема о «счастливом советском детстве». Над созданием этого концепта, приравненного к факту и включающего в себя всю совокупность символов, смыслов и образов, трудилось не одно поколение советских государственных и политических деятелей, педагогов и воспитателей, представителей творческой интеллигенции и ученых. А одним из наиболее действенных средств мифотворчества и способов продвижения этого образа в массы явились средства массовой информации, в том числе и специализированные журналы для детей и о детях.

Счастливое детство немыслимо без игрушек. Осознав это лишь в середине 1930-х годов, советские руководители озадачились восстановлением, а точнее говоря – созданием новой игрушечной промышленности. Способы

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме "Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)".

конструирования (от производства и потребления игрушки до символического подтекста, который в нее следовало закладывать) и цель, к которой следовало стремиться (советская игрушка-идеал), были изложены в журнале «Советская игрушка», издававшемся с 1935 по 1939 год (с 1937 года – как «Игрушка»), ставшем своеобразным методическим пособием для производственников, воспитателей, родителей и учителей.

Настоящая статья ставит своей целью расширить круг источников по истории советского детства посредством включения в него журнала «Советская игрушка» (далее – СИ), органа Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР, Научно-экспериментального Института по игрушке и Всесоюзного кооперативного промышленного совета (Всекопромсовета), и выявления информативных возможностей данного издания.

Как наиболее близкая ребенку вещь, имеющая для него огромную ценность, игрушка может и должна стать предметом специального изучения. Любимые игрушки как текст, который может объяснить историкам детские предпочтения в рамках определенного исторического контекста; игрушка как культурный, бытовой, политический и социальный феномен и как месседж, который вложили в нее педагоги, методисты и производители, создавая, выпуская и предлагая ее ребенку; игрушка как учебно-воспитательный материал, который неверbalным путем формирует начальное мировосприятие и расставляет познавательные приоритеты – вот далеко не полный перечень тех проблем, которые еще только предстоит решить историкам при изучении игрушки как источника и как культурного феномена своей эпохи.

Письменные источники по истории детства, как мы не раз уже писали [см., например, 1, с. 66–67], можно, исходя из их происхождения, поделить на источники о детстве (воспоминания, письма, периодику, документы и пр.), созданные взрослыми, и непосредственно детские источники – тексты, созданные самими детьми. Соответственно, на эти же две несопоставимые по величине (но не по значимости!) группы можно поделить и письменные источники, в которых речь идет о детской игрушке. Детские письменные тексты об игрушке малочисленны по определению: ведь ребенок в силу самой своей природы больше выражает себя либо в устном, либо в невербальном общении. Отсюда проистекает огромное значение письменных источников другого – «взрослого» – типа, причем не только воспоминаний об игрушках далекого детства, но и источников, созданных в процессе общения с ребенком и представляющих всю широту верbalной и невербальной коммуникации, в том числе кино- и фотодокументов, рисунков и художественного оформления пространств, бытовых предметов и, конечно же, игрушек, а также специальных изданий, определяющих стратегию и тактику их создания, производства, распространения и использования, в том числе периодических.

Середина 1930-х годов – это время кардинального перелома в советских детских воспитательных практиках. Хотя еще в июне 1921 года при Наркомпросе РСФСР была создана специальная комиссия по детским игрушкам, задачей которой была «оценка и рецензирование» имеющихся игрушек и разработка новых образцов [2, с. 3], с задачей этой комиссия справлялась не очень успешно. На то был ряд причин, в том числе и объективного характера: ослабленные и измученные революциями, войнами, голодом, холодом и болезнями люди были озабочены, прежде всего, не столько тем, как учить,

воспитывать и уж тем более развлекать детей, как тем, как сохранить их, как спасти от смерти. Лишь несколько оправившись от разрушительных последствий первых революционных преобразований и гражданской войны, новая власть обеспокоилась, наконец-то, и созданием «идеологически правильной» игрушки [1, с. 190–192; 3, с. 132–134]. Она стала широко пропагандировать ее среди «своих» потенциальных потребителей, но тщетно: как показали обследования, даже в семьях передовых, «политически сознательных» рабочих с тремя и более детьми дошкольного возраста средний расход на игрушки в середине 1920-х годов не превышал 0,4 % от годового бюджета, тогда как сумма расходов на спиртные напитки составляла не менее 3,3 % в год [4, с. 41, 45].

Что касается игрушек «чужих», то они были решительно отвергнуты раннесоветской Культурой Один вместе с устаревшей формой семьи, устаревшими формами воспитания, устаревшими атрибутами «прежней» жизни. Пришедшая ей на смену сталинская Культура Два [5], казалось бы, возродила традиционные человеческие ценности: семью, семейный праздник Новый Год, с его совершенно семейным атрибутом – елкой, семейное детство с изобилием игрушек, но наполнила их новым советским содержанием. «Советизации» подлежала и детская игровая игрушка, впрочем, как и игрушка декоративная (например, елочная) [6, с. 93–119]. А новый, издававшийся с 1935 года журнал «СИ» призван был стать своеобразным регулятором, формирующим и стимулирующим советские идеологически корректные нормы производства и потребления детской игрушки.

С источниковедческой точки зрения, журнал «СИ» отличает ярко выраженная «многоуровневость» прочтения. Первый уровень прочтения – это сам письменный и визуальный материал журнала, второй уровень – это игрушка, которой посвящен журнал (причем не важно, готовое ли это изделие, образец, образ или идеал), и, наконец, третий уровень – это то, что исследователь «ищет за игрушкой». Это может быть политика государства в деле «осовечивания» подрастающего поколения, повседневная жизнь ребенка или развитие народного хозяйства и плановой экономики.

Более того, первый уровень прочтения материалов журнала, с точки зрения одной из современных концепций прессы – концепции «индустрии культуры» [7; 8 и др.], также характеризуется своей двузначностью. Согласно этой концепции, периодика рассматривается с точки зрения ее двуединой функции: информирования о действительности и одновременного формирования представления о ней. Таким образом, видовым отличием периодики как исторического источника является неразрывное наличие фактов и систематического, регулярного, целенаправленного манипулирования массовым сознанием [9, с. 258–266; 10, с. 217–229]. Содержание любого периодического издания (и журнала «СИ», в том числе) можно определить, следовательно, как факт/совокупность фактов (псевдофактов), имеющих определенный информационный потенциал, и как часть более длительного и обширного процесса мифотворчества со своим направлением, целями и задачами.

Кроме того, спецификой периодической печати как источника является ее «синтетическая» природа, требующая одновременного изучения:

- одного номера издания как совокупности разноформатного текстового и визуального материала;
- годового выпуска как цельного источника, обладающего видовым единством с другими выпусками и, вместе с тем, уникальностью по сравнению с ними;
- журнала как части целого продолжающегося во времени издания во всей его полноте.

Этот подход был применен нами при обращении к журналу «СИ». Вполне применим для изучения материалов журнала и достаточно известный «метод Кайзера», учитывающий, в первую очередь, внешние формы расположения текстового материала [о нем см. 11, с. 56–77].

«СИ» начала издаваться тогда, когда в СССР уже сложилась система советской периодической печати, со своими специфическими признаками и характеристиками, которые в той или иной степени могут быть распространены на анализируемое издание. Это: подцензурность (в 1930-е годы происходит окончательно оформление цензурного аппарата); централизованность (все средства массовой информации имели четкую «вертикаль власти»: ЦК КПСС – Главлит – ТАСС – редакция печатного издания); массовость; системность (получение информации, создание, распространение и сбыт печатного издания было встроено в единую, четко наложенную схему); политический заказ (а не социальный) заказ (хотя печатные издания 1930-х гг., в том числе и «СИ», практиковали ответы на письма читателей и публикацию этих писем, создавая, таким образом, иллюзию интерактивности информационного контента издания, на практике от 10 до 70% материала была надиктовано, без права правки и комментирования, ТАСС – Телеграфным агентством Советского Союза [9, с. 279–281]).

Журнал «СИ» являлся ведомственным изданием всесоюзного значения, выходящим ежемесячно (в первый год – один раз в два месяца). Всесоюзный охват следовал из глобальной цели журнала – способствовать развитию игрушечной промышленности СССР и доведению качественной игрушки до конечного потребителя – советского ребенка, учитывая национальные особенности отдельных регионов страны [12, 1 (1935), с. 1–2].

По мнению советских методистов и педагогов середины 1930-х гг., в самое ближайшее время предполагалось обеспечить детей следующими группами изделий [12, 1 (1935), с. 4–5]:

- 1) Игрушки, развивающие движения и органы чувств – «моторные» игрушки («игрушка данного типа в целом имеет больше значение в деле воспитания здоровых, активных граждан») [12, 1 (1935), с. 4];
- 2) Образные игрушки (люди, строительство, транспорт, природа, животные), способствующие расширению кругозора и являвшиеся средством самоидентификации ребенка. Очень важными игрушками этой группы считались куклы-пупсы как образ маленьких детей и куклы-октябрья и пионеры для детей постарше;
- 3) Игрушки сюжетные (животные, куклы, мебель, посуда), помогающие строить сюжетные игры и способствующие социализации ребенка (особенно для игр в «новую советскую действительность» – «детсад», «школу», «общественную столовую», «Красную армию»).

- 4) Игрушки технические (военная техника, транспорт, станки, конструкторы), нацеленная, в том числе, и на детей среднего и старшего возраста, подростков, задумывающихся о выборе профессии. В соответствии с требованием времени очень желательным выбором была профессия инженера;
- 5) Настольные игры, вырабатывавшие усидчивость и приучавшие к командной, коллективной работе;
- 6) Веселые игрушки, вызывающие яркую эмоциональную реакцию (заводной бычок, кукарекающий петушок), способствующие развитию внимания у детей младшего возраста;
- 7) Музыкальные игрушки (имитации музыкальных инструментов, музыкальные шкатулки, шарманки, волчки), призванные развивать музыкальный слух, развлекать;
- 8) Игрушки театральные, так называемые «пасторальные» (театр петрушек, марионеток, теневой театр), созданные для организации театральных постановок.

Как журнал профессиональный (т.е. направленный на информационное объединение людей одной отрасли) «СИ» ставила своей целью широкое освещение состояния промышленности и «товаропроводящей сети» (т.е. складов и магазинов). Но, помимо этого, журнал как орган Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР был намерен осуществлять «политико-идеологическое руководство и контроль над игрушкой» [12, 1 (1935), с. 7–8]

Основными проблемами отрасли на момент создания журнала, по мнению редакции, являлись отсутствие в существующей игрушке необходимого идеологического содержания [12, 1 (1935), с. 7–9, 13–15; 12, 4 (1936), с. 7; 12, 5 (1936), с. 39–40], ограниченный ассортимент (всего «2,5 тыс. наименований игрушек на конец 1934 года, тогда как в Америке – более 50 тысяч») [12, 1 (1935), с. 7; 12, 2 (1935), с. 1–3; 12, 3 (1935), с. 1–2], низкое качество существующих игрушек [12, 5 (1935), с. 24–25; 12, 6 (1935), с. 1–2, 21; 12, 1 (1936), с. 1–2; 12, 4 (1936), с. 31–32], дефицит игрушек в продаже («Достаточно сказать, что в год, в среднем, на одного городского ребенка приходится не более 1,7 игрушки» [12, 2 (1935), с.3–6, 30; 12, 6 (1935), с. 29].

Для увеличения ассортимента, а также наполнения игрушек новыми «советскими смыслами» проводилась научно-методическая работа с привлечением художников, педагогов, изобретателей на базе Института игрушки посредством «ряда конференций, широких совещаний, выставок-передвижек». Была создана «опытная игротека» для детей в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького, «что явилось стимулом для развертывания сети игротек как новой формы внешкольного учреждения большой педагогической значимости» [12, 1(1935), с. 2]. В целях улучшения качества и устранения дефицита игрушек работа шла на всех этапах их производства и реализации, начиная с планирования поставок сырья (которым зачастую являлись отходы других производств) и консультативной помощи производителям в вопросах экономического и кадрового характера, до контроля качества продукции на производстве через «инспектатуру» и «уполномоченных», а в товаропроводящей сети – через «экспертов от комитета в ВОКТе Центросоюза» и «методистов в Кусторге и Москоопкульте», с возможным применением штрафных санкций к производителям, поставщикам сырья, поставщикам готовой продукции и самим магазинам [12, 1(1935), с. 3].

Как выяснилось, больше всего трудностей оказалось именно в экономической области. Во-первых, Комитет по игрушке мог только помогать, консультировать и рекомендовать, но не имел административных рычагов давления на «участников рынка». Во-вторых, на момент создания журнала, игрушечная отрасль была «разбросана» по разным ведомствам и отделам, что еще более усложняло задачу ее экономической организации: «Значительно затрудняет работу комитета то, что производства распылены по различным Наркоматам, промкооперациям, инвалидной кооперации и другим, и не подведомственны Комитету» [12, 1(1935), с. 3]. Значительную часть продукции на рынок по-прежнему поставляли промартели и кустари [12, 2 (1935), с. 1]. В-третьих, с экономической точки зрения производство игрушки было невыгодным. Она обычно изготавливается из имеющегося (как правило, не самого качественного) сырья, на амортизированном оборудовании, без контроля качества и бракеража [12, 2 (1935), с. 7–8; 12, 1 (1936), с. 35]. Объяснить руководству предприятий необходимость расширить ассортимент и улучшить качество игрушки было также очень сложно: «Организации, руководящие производствами, продолжают несерьезно и невнимательно относиться к данному участку работы, имеющему огромное значение в деле коммунистического воспитания наших детей» [12, 1 (1935), с. 3]. На страницах журнала регулярно отражалась работа Комитета по постановке текущих производственных целей и задач, по координации действий между созданием образца, запуском его на производстве и поступлением в достаточном количестве в магазины; фиксировались достигнутые промежуточные результаты, осуществлялся обмен опытом [12, 2 (1935), с. 42].

Структурно журнал состоял из следующих разделов: дидактические статьи педагогов и (до 1936 г.) педологов, художников, искусствоведов; статьи, посвященные вопросам экономики и организации производства; технический инструктаж с демонстрацией лучших и худших образцов – «витринами» достижений и брака; обзоры работы государственных промышленных предприятий и промкооперации; очерки о мастерах игрушки, ударниках, энтузиастах игрушечной промышленности; материалы об изобретательстве, о работе товаропроводящей сети; о специфике производства и использования игрушки в национальных регионах страны; статьи, направленные на изучение и заимствование иностранного опыта; сообщения об экспериментальной работе в детской аудитории.

Постоянство редакции в наполнении материалом указанных выше разделов в значительной мере упрощает классификацию публикаций по жанровому и проблемному принципу. Между тем, при всем их многообразии, все опубликованные материалы, так или иначе, были подчинены одной – главной – цели: формированию образа новой советской игрушки и воплощению его в жизнь. На протяжении пяти лет существования журнала (с 1935 по 1939 гг.) можно наблюдать процесс создания, совершенствования и распространения игрушки и одновременно наделения ее единым советским смыслом. Каждая из игрушек, взятая в отдельности, должна была способствовать «правильному» советскому воспитанию, а все вместе они призваны были составить некую «казбуку советской действительности». В постановлении ЦК ВКП(б) и ЦКК-РКИ от 26 августа 1933 года ценностные ориентиры в производстве игрушки были определены следующим так:

здоровье и жизнерадостность, смекалка, коллектив (коллективный труд, коллективный отдых, коллективная игрушка); Родина (многонациональная родина), патриотизм («оборонная игрушка», знания о стране, гордость за страну); труд (физический и умственный), культурный быт и досуг [12, 1 (1935), с.1].

Эти идеологические установки со временем стали столь неоспоримыми, повсеместными и устойчивыми, что на сегодняшний день они напрямую ассоциируются с советской культурой в целом, что, безусловно, свидетельствует об эффективности индоктринации «советской», осуществляющей, в том числе, и через детскую игрушку.

Тема здоровья и здорового образа жизни воплощалась как в образной игрушке (советские куклы и пупсы – розовощекие, упитанные, веселые, так и путем популяризации моторной игрушки и спортивного инвентаря, с помощью которых с раннего детства должны были воспитываться «активные и здоровые граждане» [12, 1 (1935), с. 4; 12, 6 (1935), с. 3–5; 12, 7 (1936), с. 14]). Еще одной «истинно советской» ценностью была жизнерадостность, или веселость: «Замнаркома по просвещения РСФРСР М.С. Эпштейн, намечая основные требования к детскому саду, формулировал это положение очень кратко и четко: «Первое – чтобы ребенку было весело» [12, 3 (1935), с. 5]. Детям, особенно младшего и среднего возраста, была показана «веселая игрушка», ее нехваткой были всерьез озабочены советские воспитатели-методисты [12, 3 (1935), с. 1–2, 5–7]. Детей постарше смекалке бытовой и логической должны были обучать игры настольные, конструкторы, комплексные игры (например, игра по воссозданию системы железной дороги со всеми ее периферийными структурами [12, 3 (1935), с. 10–12]). Интересен опыт игротеки в Центральном парке им. Горького (г. Москва). Посетителям ее предлагались «трафаретки» – записи, выполненные по трафарету, которые содержали интригующие задания, вовлекающие ребенка в масштабную (в пределах парка) игру, например: «Требуются охотники на диких зверей! Об условиях узнать по следующему адресу: самое высокое дерево в парке, 12 шагов к югу от него» или «Тайну белой ромашки узнает тот, кто разыщет мальчика с круглыми каблуками» [12, 5 (1937), с. 22].

Методисты через игру и игрушки последовательно и разностороннее пытались дать ребенку представления о Родине и советском патриотизме. Родина подразумевалась большая (через географические и исторические знания) [12, 6 (1938), с. 15; 12, 12, 7 (1938), с. 1]; многонациональная – через интернационализм и знания о других «братьях русского народа» [12, 5 (1935), с. 31–32; 12, 3 (1937), с. 22–23; 12, 6 (1938), с. 1, 4, 7]. Историей и настоящим ее следовало гордиться (историческая и современная героика) [12, 5 (1937), с. 10; 12, 2 (1938), с. 9], в армии ее хотелось служить (через так называемую «оборонную», а по сути военную игрушку) [12, 3 (1935), с. 8–9; 12, 5 (1937), с. 3–5; 12, 3 (1938), с. 10; 12, 2 (1939), с. 13]. Причем форма подачи этого воспитательного материала через игрушку была совершенно разной: игрушка могла быть сюжетной, образной, тактической или моторной.

Привить любовь к труду (в первую очередь, физическому) предлагалось через игрушечные инструменты и инвентарь. Это могли быть сельскохозяйственные орудия труда (игрушечные лопатки, ведерки, грабли) [12, 4 (1936), с. 3–5] или, к примеру, маленькие швейные машинки.

Интерес и пристрастие ребенка к технике поддерживались целым комплексом мероприятий (выставки детского технического творчества, соревнования по моделированию) [12, 2 (1935), с. 44] и организаций (через кружки Осоавиахима, детские технические станции, кабинеты занимательной науки и техники, игротеки с техническим уклоном) [12, 2 (1935), с. 45]: «Чрезвычайно популярное у нас в СССР авиамодельное движение среди детей школьного возраста разрослось до громадных размеров. Нет школы, где бы ни работал авиамодельный кружок. Осоавиахим возглавляет это движение, организует городские, областные, республиканские и всесоюзные слеты юных авиастроителей» [12, 4 (1935), с. 27]. Заинтересовывали детей инженерными и техническими профессиями [12, 3 (1937), с. 4; 12, 4 (1937), с. 10] также через разнообразные технические конструкторы, «веселые игрушки», сюжетную игрушку [12, 2 (1935), с. 34, 37; 12, 6 (1935), с. 16–20; 12, 1 (1937), с. 8; 12, 3 (1937), с. 13].

Коллективность в игре достигалась, конечно же, самой ее структурой. В примечаниях к сложным сюжетным и настольным играм обязательно подчеркивалось такое достоинство игры, как способность разделить обязанности и роли. Важной также была общая коллективная организация детского игрового досуга, которая широко освещалась на страницах «СИ».

Силами Комитета по игрушке появился такой новый вид детского досуга, как игротека. Изначально, в 1934 году, она возникла как опытная площадка для новых образцов игрушек при Научно-экспериментальном Институте игрушки [12, 3 (1935), с. 13–15], и практически одновременно в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве. Задачей игротеки было ознакомить с игрушкой самую широкую аудиторию: «Учитывая условия рабочей семьи, не имеющей возможности систематически тратить из своего бюджета на приобретение игрушки, учитывая условия неорганизованного ребенка, лишенного возможности иметь необходимый ассортимент игрушек, идея игротеки приобретает большую значимость. Опыт игротеки необходимо популяризировать по всему союзу – в колхозах, на новостройках» [12, 1 (1936), с. 20].

Игротеки пользовались большой популярностью: дети приходили и группам, и в одиночку. Среди них были мальчики и девочки, у которых совсем не было игрушек и которые имели много игрушек; дети играли по одному, небольшими группами и в команде. Когда не было свободных игрушек, они смотрели, как играют другие. На некоторые популярные образцы игрушек выстраивалась очередь [12, 1 (1936), с. 12–14, 17–18; 12, 2 (1936), с. 5–6, 9–11].

Позитивный опыт стали перенимать другие детские организации: «ЦДТС (центральная детская техническая станция), являясь организационно методическим центром технической пропаганды среди детей, имея 8 экспериментальных лабораторий по работе с юными техниками, организует опытную игротеку с уклоном в сторону технической игрушки» [12, 2 (1935), с. 45]. Централизованно и стихийно стали образовываться игротеки во всевозможных вариантах, условия пользования игрушками в них также различались. Где-то игрушки выдавались напрокат только на территории игротеки или парка за небольшую сумму либо под ответственность руководителя групп (Игротека в ЦПКиО), где-то часть игрушек выдавали на дом (Игротека при Институте игрушке).

В дальнейшем развитие игротек происходило по пути охватывания летнего досуга детей – в парках, где создавались игротеки и детские городки с преобладанием спортивного инвентаря и аттракционов, и игротек в помещениях, работавших круглогодично. Первые, впрочем, также имели крытые помещения для настольных и сюжетных игр, а вторые при возможности организовывали игротеки–передвижки, переезжая из одного детского сада в другой, из одной школы в другую, чтобы охватить максимальную детскую аудиторию: «Передвижки из игротеки получают по г. Загорск железнодорожный детский сад, детсад Учпромсельхозпрома, детсад завода №11, детсад просвещенцев в г. Москве, детсад «Искра революции» [12, 3 (1935), с. 15].

Все чаще на страницах журнала звучали призывы организовывать игротеки или игровые комнаты на местах по всей стране. В помощь организаторам публиковались методические рекомендации, отчеты о работе игротек [12, 1 (1936), с. 12–14, 16–18]; обсуждались вопросы организации игротеки (педагогический состав, мебель, количество комнат [12, 2 (1936), с. 5–6, 9–11]); приводились высказанные детьми пожелания к игрушке [12, 3 (1935), с. 13–15]. Но, пожалуй, самым болезненным и обсуждаемым вопросом был вопрос выдачи игрушек на дом [12, 2 (1936), с. 9–12]. Те игротеки, что решились на это, вынуждены были либо направлять своих сотрудников к детям домой с просьбой вернуть игрушки, либо просто смириться с их потерей. Удачным был признан опыт Одесской игротеки, которая брала с родителей денежный залог величиной в стоимость игрушки [12, 4 (1936), с. 10–11].

Дальнейшее развитие игротек привело к созданию таких их форм, как игротека или клуб «на колесах», когда педагоги выезжали со стационарным фондом игрушек в отдаленные жилые массивы [12, 1 (1939), с. 19], а также игровые комнаты в читальнях, дворцах пионеров и даже на вокзалах [12, 4 (1936), с. 20–22]. Журнал «СИ» сыграл огромную роль в организации этой новой формы детского досуга.

Отдельного внимания заслуживает оформление журнала. Визуальный материал, представленный здесь, составляют фотографии и рисунки. Фотографии как источник отличает информативность и фактологическая ценность. Иногда из фотографии исследователь может извлечь ту информацию, которая в силу обыденности не выражается вербально (интерьер, одежда). Подчас исключительную исследовательскую ценность представляет эмоциональная составляющая фотографии (реакция детей на новую игрушку, празднование Нового года, выбор новой игрушки в магазине и т.д.).

Рисунки являлись обязательной составной частью художественного оформления журнала и частью его общего месседжа, его видением того или иного вопроса, и поэтому они нуждаются в содержательно–концептуальной и содежательно–подтекстовой расшифровке. Значительный интерес представляет в этой связи обложка журнала.

На протяжении всех лет выпуска «СИ», ее обложка, неизменно цветная и рисованная, менялась достаточно часто, иногда несколько раз в год. Дольше других сохранялись три варианта обложек: одна – с середины 1935 до конца 1936 года, вторая – весь 1937 год, третья – с конца 1938 года и до закрытия журнала.

С пятого номера журнала за 1935 года и на протяжении всего 1936 года обложку украшал цветной заголовок «Советская игрушка» с огромной

заглавной буквой «С». По нижнему краю страницы располагалась достаточно узкая (примерно 15% площади страницы) полоса, заполненная изображениями различных игрушек. Обложка журнала за 1937 год была оформлена по-другому: наверху размещалось название журнала, в центре – цветной квадрат со вписанным в него скачущим конем с натянутыми вожжами. С шестого номера 1938 года и вплоть до закрытия журнала в 1939 году оформление обложки стало предельно лаконичным: чистый лист, в верхней его части – синим – название журнала, внизу, в синем круге – выходные данные. Трудно сказать, с чем было связано такое упрощение в оформлении обложки – ведь содержательно журнал по сравнению с первыми годами издания практически не изменился. Можно лишь предположить, что обложка отныне должна была подчеркнуть ориентацию журнала не на детскую, а на взрослую аудиторию.

Большой интерес представляют собой «композиционные» обложки, изображающие игрушки и их обладателей. В первый год издания журнала обложку его украшали те игрушки, которые, с одной стороны, были направлены на пропаганду сталинских культурных проектов («политика окультуризации масс»). С другой стороны, они изображали те принципиально новые игрушки, которые так нужны были советскому ребенку и которых пока так не хватало (о чем свидетельствует и содержание самих журналов). Велосипеды и мячи (№ 2, 5) были средствами воспитания здорового, крепкого ребенка-физкультурника, машина и аэростаты (№2, 3, 5) – инженера, летчика, передового рабочего, и в обоих случаях – строителя новой жизни и будущего защитника Родины.

Та же обложка задавала идеальное распределение игрушек по половому и возрастному принципу. Так, если взглянуть на обложку «СИ» № 3 за 1935 год, можно увидеть справа лес и группу старших ребят, запускающих дельтаплан (техническая игрушка для подростков); слева – группу девочек с куклами и игрушечными зверями (куклы, образные и бытовые игрушки были показаны девочкам для бытовой самоидентификации и усвоения социальных ролей), а еще правее – маленького мальчика на самокате (маленьким детям, не готовым еще к групповым играм, предписывалось играть с моторными игрушками).

Первые шесть номеров журнала за 1938 год оформлены следующим образом (с незначительными изменениями в композиции изображения): под заголовком в круглой рамке расположены игрушки, в центре сидит кукла-девочка (или живой ребенок?), которая держит мяч; за ее спиной мягкие игрушки – слоник, собачка, медвежонок, заяц, еще дальше – корабль и самолетик. На данной обложке легко прочитывается образ того самого «счастливого советского ребенка», с раннего детства окруженного игрушечным изобилием. О возрасте куклоподобного ребенка говорит, помимо его собственного изображения, ассортимент нарисованных игрушек: моторная игрушка – мяч, мягкие игрушки, лошадка на колесиках, несложная корпусная техническая игрушка (автомобиль и самолет).

Следовательно, если первые варианты композиционных обложек и их частая смена в начале выхода журнала отражали, прежде всего, актуальные задачи и проблемы отрасли (нехватка игрушек, наделение игрушек новым советским смыслом), то последняя из композиционных обложек является собой фиксацию имеющихся достижений. Она как бы говорит: цель журнала

достигнута, ребенок (советский, счастливый!) с раннего возраста находится в окружении многочисленных, разнообразных, «правильных» игрушек.

И, в самом деле, та цель, к которой на протяжении пяти лет своего существования упорно и настойчиво стремился журнал, в общем была достигнута: советский ребенок получил нужную и идеально соответствующую ему игрушку, а советские производственники и воспитатели – необходимые установки и рекомендации по ее изготовлению, распространению и использованию. И потому в предновогоднем номере журнала за 1939 год появилась лаконичная запись: «К сведению читателей. С 1 января 1940 г. журнал «Игрушка» издаваться не будет» [12, 11–12 (1939), с. 48]. Очередная воспитательная компания завершилась, соответственно, прекратилось ее обоснование и подпитка средствами массовой информации.

Тем не менее, постоянно учитывая высокую степень конъюнктурности журнала, значение его в исследовательских практиках ни в коем случае нельзя недооценивать. Журнал «СИ» стремился охватить весь спектр вопросов, касающихся игрушки: ее прошлое и настоящее, историю ее создания и распространения, процессы производства и реализации, и даже, что очень важно – реакцию юных потребителей – детей на те образцы игрушки, которые создавали для них заботливые взрослые. Хотя таких свидетельств не очень много и едва ли правильно было бы подчас не усомниться в их аутентичности, они являются образцами тех самых «детских» текстов, рассказанных «изнутри», о малочисленности которых так сожалеют историки. Что касается основной массы опубликованных на страницах «СИ» материалов, то все они имели «взрослое» происхождение и являются ценнейшим источником по исследованию процесса конструирования культуры советского детства «сверху». Поэтому целесообразно активнее вовлекать этот источник в научный оборот, причем не только при изучении истории советского детства, но и истории всего советского общества в целом.

Литература

1. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет, 2007. 256 с.
2. Ребенок и игрушка: Сб. ст./ под ред. Н.А. Рыбникова. М.: Госиздат, 1924. 81 с.
3. Сальникова А.А. Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. №8 (Лето). С. 119–139.
4. Кабо Е. Очерки рабочего быта: опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. 290 с.
5. Паперный В. Культура Два. М., 1996. 384 с.
6. Сальникова А.А. История елочной игрушки. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 240 с.
7. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 832 с.
8. Кин Д. Средства массовой информации и демократия. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 170 с.

9. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. 687 с.
10. Голиков А.Г. Комплексное источниковедение с позиций учения об информации (по материалам периодической печати) // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: МГУ, 2006. С. 217–229.
11. Алексеев А.Н. Метод Жака Кайзера (Из опыта исследования французской ежедневной прессы) // Проблемы современной зарубежной печати. Сб. статей. Л.: Наука, 1969. С. 56–77.
12. Советская игрушка (Игрушка), 1935–1939.

JOURNAL “THE SOVIET TOY” AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF SOVIET CHILDHOOD IN THE 1930’S

A.A. Salnikova, Z.A. Khamitova

Summary

The article characterizes journal “The Soviet Toy” (1935–1939) as one of the most important and at present not enough studied sources for the history of Soviet childhood. Using an example of the Soviet toy this journal popularizes and propagandizes power strategies and “normal” practices in constructing and material filling of the children’s everyday space according to new Soviet circumstances, ways and methods of attaching of the specific symbolic meanings and senses to it.

Key words: USSR, the 1930’s, mass media, Soviet childhood, material world, plays and toys, historical source.

Поступила в редакцию

Сальникова Алла Аркадьевна – заведующая кафедрой историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Тел. 89276738247

E-mail Alla.Salnikova@ksu.ru

Salnikova Alla A. – Chair of the Department of Historiography, Source Study and Methods of Historical Writing, Institute of History, Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of History, Professor.

Tel.: 89276738247

E-mail Alla.Salnikova@ksu.ru

Хамитова Жанна Александровна – аспирантка кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета

Тел. 89067847536

E-mail hamitovaga@gmail.com

Khamitova Zhanna A. – PhD student of the Department of Historiography, Source Study and Methods of Historical Writing, Institute of History, Kazan (Volga Region) Federal University.

Tel.: 89067847536

E-mail hamitovaga@gmail.com
